

Савинова Н.А.

*Заведующая научным отделом информационно-правовых проблем
национальной безопасности*

*Научно-исследовательского института информатики и права
НАПрН Украины, доктор юридических наук, старший научный
сотрудник*

ЭРА ЕСПЧ: ПОСТМОДЕРН И «СЛЕПЫЕ» УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ

Восприятие высказывания большинства футурологов XX-XXI века современной правовой наукой может сравниться лишь со скепсисом советских пенсионеров 60-70х годов прошлого века по отношению к произведениям Рея Бредбери и Станислава Лемма. Зачастую элементарный анализ уголовно-правовой коммуникации¹ и акценты на необходимости применения теории Гарольда Д. Ласуэлла² в верном построении прямой и возвратной уголовно-правовой коммуникации зачастую вызывает реплики о том, что эта проблема – «вопрос будущего». Только вот навряд ли мы задумываемся всерьез о том, что нивелирование значимости коммуникативной функции уголовно-

¹ По уголовно-правовой коммуникацией докладчиком понимается целенаправленная передача информации о содержании уголовных правонарушений и уголовно-правовых последствий их совершения для преступника и жертвы (об уголовно-правовом обращении) (См. Савинова Н.А. Кримінально-правова комунікація: до питання ефективності сучасного кримінального права /Н.А.Савінова// Проблеми науки кримінального права та їх вирішення у законотворчій та правозастосовній діяльності: матеріали міжнар. наук.-практ.конф. (м. Харків, 8-9 жовтня 2015 р.): редкол.: В.Я.Тацій (голов.ред.), В.І.Борисов (заст.голов.ред) та ін. - Х.: Право, 2015. - 528 с. -С.110 – 114; http://www.savinova.info/wp-content/uploads/3/publications/default/2015_10_5s.pdf)

² В соответствии с теорией коммуникации Гарольда Л. Лассуэлла, коммуникация может быть эффективна лишь в случае, если в полной мере даны исчерпывающие ответы на вопросы 1. Кто [передает информацию]? 2. Что [какую информацию передает]? 3. При помощи какого канала [передает информацию]? 4. Кому [адресуется информация]? 5. С каким эффектом [какова ожидаемая цель от передачи информации]? [1].

правовой политикой (более того, интерактивной!) есть одной из важнейших причин утраты уголовным правом актуальности, минимизации его значения, а, зачастую и пренебрежения им.

Уголовно-правовые системы, как материально-правовые основы уголовно юстиции в государствах мира кардинально разнятся. Они отображаются в нормах материального уголовного права посредством принятия решений уголовно-правовой политикой, которая и определяет систему ценностей общества, посягательства на которые подлежат уголовно-правовому запрету. Главенствующей в определении идеологии этой конструкции является определенная система ценностей, избираемая уголовно-правовой политикой государства.

Что же определяет систему ценностей, входящих в объем уголовно-правовой охраны, защиты и т.д.? Очевидно, что таковую систему диктуют: 1) традиционные ценности, определяемые принадлежностью населения к определенной нации, конфессии, значимой социальной группе; 2) уровнем развития общественных отношений, который, собственно, определяет предметно-ресурсную составляющую развития общества; 3) социального запроса соответствующего общества, степень готовности его к принятию того или иного уголовно-правового запрета.

Иными словами, ссылаясь на классический исторический материализм [2], мы можем утверждать, что вся система уголовной юстиции национального государства в ретроспективе и реальности представляет собой серединную часть надстройки, формирующуюся на базисе развития экономических, и связанных с ними иных социальных отношений в данном обществе, но, при этом, в рамках самой надстройки она базируется на политических трендах и, в конечном итоге, обеспечивает безопасность ценностей, признанных в таком обществе. И именно эта схема оценки соответствия и приемлема в доказываемом случае. Она не противоречит взаимодействию базиса и надстройки: как утверждали сами К. Маркс и Ф. Энгельс: «Положение, что сознание людей зависит от их бытия, а не наоборот, кажется простым; *однако*

при ближайшем рассмотрении немедленно обнаруживается, что это положение уже в своих первых выводах наносит смертельный удар всякому, даже самому скрытому идеализму. Этим положением отрицаются все унаследованные и привычные воззрения на всё историческое. Весь традиционный способ политического мышления рушится...» [3] (курсив мой, Н.С.)

Итак, констатируем, что *уровень развития уголовно-правовой системы государства, и, следовательно, базирующейся на ней всей системы национальной уголовной юстиции, в полной мере должны соответствовать уровню развития общества в том или ином государстве.*

Вопрос влияния уголовного права периода постмодерна возникает сегодня неспроста. Что же возникает в момент несоответствия национальных уголовно-правовых систем запросу населения? По большому счету, безмерно долгий период истории беспредел государства в отношении уголовно-правовых политики, обращения, юстиции в целом мог быть сколь угодно дискриминационным по отношению к населению. Фактически, криминализация и наказание были для всех ранее и остаются сегодня для деспотических или коррумпированных государств оружием воздействия на собственный народ.

Однако, приход эры постмодерна привнес и в уголовно-правовые системы общую для концепции постмодерна идеологию сомнения в истинности отражения реальности человеческими чувствами, установив общие, хотя в тот момент достаточно зыбкие общеобязательные правовые конструкции. На протяжении первой половины XX века концепция Прав человека видоизменялась под воздействием необходимости недопустимости течения и последствий Первой и Второй мировых войн.

Однако идеологема Human Rights послевоенного периода, со временем утратив свою предупредительную роль, и в 1953 году была уточнена, углублена и институционализирована в Европейской конвенции о защите прав

человека и основных свобод [4], став, фактически, модельным международным документом для государств-участников.

Хотя идеологему Human Rights, впитанную к тому времени большинством конституций стран мира и переданную, отчасти, национальным уголовно-правовым идеологиям, немногие участники Конвенции посчитали возможным трансформировать или расширить до уровня понимания нового документа, да и право контроля за соблюдением государствами предписаний Конвенции Европейским судом по правам человека не вызывало для государств особых осложнений. По официальной статистике, в период функционирования ЕСПЧ с 1959 до реформы 1998 года, им было рассмотрено ... 837 дел³: в среднем – 21,5 рассмотренных дел в год. Соответственно, и прирост, и фильтр Европейской комиссией дел, допустимых к прямому рассмотрению были мизерными по сравнению с современными показателями.

С 1999 года, после реформы ЕСПЧ 1998 года статистика принятия к рассмотрению и рассмотрения жалоб изменила систему воздействия ЕСПЧ на национальные правовые системы кардинальным образом. 1999 г. – 12600; 2000 – 15900; 2001 – 19388; 2004 - 50000; 2011 – 151600; 2014 – 69900 дел, ожидающих рассмотрения ЕСПЧ. [6]. По показателям 2016 года, прирост дел в ожидании рассмотрения ЕСПЧ составляет 2350 дел за два месяца⁴ [6].

О чем свидетельствует такая статистика? Фактически, она демонстрирует уровень несоответствия правовых систем, и, в частности уголовно-правовых систем тем самым требованиям, запрос на которые очевидно демонстрирует общество. И количество жалоб, подаваемых в ЕСПЧ – математическое доказательство факта несостоятельности старых систем.

³ При этом, период функционирования указанной системы юрисдикции 1953 года обращение за защитой своих прав на международном уровне стало возможным (в случае принятия решения о приемлемости жалобы Европейской комиссией с последующей передачей дела в Суд по правам человека), и лишь с реформой Европейского суда по правам человека в 1998 году, непосредственно реализуемым самим Европейским судом по правам человека во всех случаях обращения.

⁴ Расчет производился исходя из статистики ЕСПЧ по состоянию на 1/1/2016 – 64850 дел в ожидании рассмотрения, на 29/02/2016 - 67200 дел. [5]

Поскольку схема игнорирования властью государств Human Rights на сегодня становится все более уязвимой, государства вынуждены опираться в построении правовой системы (и уголовно-правовой системы, как частной) на решения ЕСПЧ, который выступает последней инстанции не лишь принятия решения о факте нарушения государством прав, но и, опосредованно, фиксирует систему ценностей общества, которая была попрана или ненадлежащим образом защищена соответствующей юстицией.

При отсутствии диссонанса в социальном запросе и уголовно-правовой системе государства, даже при наличии прямых нарушений, всеобщих норм, жалобы на действия своего государства со стороны граждан исключены или минимизированы. Это происходит потому, что традиции, система эволюционных ценностей и социальные ожидания населения и действия власти по применению тех или иных санкций пребывают в гармонии.

Иную ситуацию наблюдаем мы в случаях, когда уровень развития общества не совпадает с пониманием решений власти государства – опережает или отстает от них (например, в колониях): объем ожиданий и уровень протеста против неэффективных, излишне жестоких или просто неуместных механизмов вызывает неприятие той реальности, которую, в частности, государство диктует под угрозой уголовной ответственности.

Украина, лидирующая по состоянию 2016 года по количеству поданных в ЕСПЧ жалоб (22, 2 %) [7]. Отражает ли эта цифра отношение населения к несоответствию правовой системы государства и доверия к Конвенции? Безусловно, цифры не могут дать ответ о реальном неприятии населением правовой системы. Для этого существуют соцопросы. Но из-за отсутствия в государстве видения реальных ожиданий населения, Украина, в силу устаревших систем, получая «корректировки» ЕСПЧ и снова и снова не учитывая их в своей уголовно-правовой политике, да и не только, ежегодно вынуждена выплачивать в качестве компенсаций колоссальные суммы, лишаясь возможности потратить эти деньги на нужды населения.

Обычно свои доклады я заканчиваю словами: время покажет... Это выступление я закончу словами: мы с каждым годом все отчетливее видим, что *из-за отсутствия надлежащей уголовно-правовой коммуникации власти и населения, и, как следствие, отсутствия рациональной современной уголовно-правовой политики, в условиях влияния решений ЕСПЧ на бюджетные обязательства, жертвами материальных санкций к государству становится все его население.*

Литература:

1. Lasswell, H. D. The Structure and Function of Communication in Society // The Communication of Ideas. - New york: The Institute for Religious and Social Studies, 1948.
2. Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения (2-е издание) / Карл Маркс. - М.: Государственное издательство политической литературы, 1955 - 1981 гг. - Т. 13 - 771 с. - с. 6-7.
3. Маркс К., Энгельс Ф. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения (2-е издание) / Карл Маркс, Фридрих Энгельс - М.: Государственное издательство политической литературы, 1955 - 1981 гг. - Т. 13 - 771 с. - с. 491.
4. Конвенція про захист прав людини і основоположних свобод від 04.11.1950 // Офіційний сайт Верховної Ради України // http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/995_004
5. Итоги работы ЕСПЧ за пять лет / РосЕвроСуд – проект адвоката по обращению в Европейский суд по правам человека // <http://roseurosud.org/podat-zhalobu-v-espch/novosti/94-evropejskij-sud-podvel-itogi-2014-goda>
6. European Court of Human Rights statistics 1/1-29/2/2016 / General statistics 2016 // European Court of Human Rights // http://www.echr.coe.int/Documents/Stats_annual_2016_ENG.pdf

7. Pending applications to a judicial formation 29/02/2016 / General statistics 2016 // European Court of Human Rights // http://echr.coe.int/Documents/Stats_pending_2016_BIL.pdf